

9. Karabushenko P. L., Vartumyan A. A. The Russian Empire of the Wane Period: Learned Elites and Authority // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol 6, № 4. P. 696–702.
10. Karabushenko P. L., Vartumyan A. A., Shebzukhova T. A., Bobrovsky I. N. Russian Learned Elite to Search New Development Purport // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol 6, № 5. P. 529–535.
11. Politics.pravda.ru/authority/kremlin/08-02-2008/255159-zadacha-0/, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 17.02.2016).

References

1. Ashin G. K. *Elitologiya: istoriya, teoriya, sovremennost*. Moscow, MGIMO (U) Publ., 2010, 600 p.
2. Artyukov O. *Zadachi Putina: prezident oboznachil prioritety razvitiya Rossii. 08.02.2008*. Available at: <http://www.pravda.ru/politics/authority/kremlin/08-02-2008/255159-zadacha-0/>.
3. Grigorev M. *Partiya inertsii. Izvestiya*. 20.03.2008.
4. *Dvadsat pervoe – dvadsat sedmoe dekabrya: pyat intrig 2016 goda vo vnutrenney politike*. Available at: <http://cpkr.ru/> (Accessed: 23.02.2016).
5. Karabushchenko P. L. *Zagovor elit (elity po tu storonu politicheskogo zazerkala)*. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*, 2012, no. 2 (31), pp. 253–262.
6. Karabushchenko P. L., Lebedeva I. V. *Politicheskaya korruptsiya i nauchnyy plagiat (borba elit s falsifikatsiyey)*. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika kultura*, 2013, no. 1 (34), p. 278–286.
7. Trushkov V. *Otechestvennaya politicheskaya elita: sposoby vychleneniya*. Available at: <http://portalus.ru/> (Accessed: 17.02.2014).
8. Yakovlev A. *Krizis v golovakh: kak rossiyskaya elita poteryala obraz budushchego*. Available at: <http://forbes.ru/> (Accessed: 25.12.2015).
9. Karabushenko P. L., Vartumyan A. A. The Russian Empire of the Wane Period: Learned Elites and Authority. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, vol 6, no. 4, pp. 696–702.
10. Karabushenko P. L., Vartumyan A. A., Shebzukhova T. A., Bobrovsky I. N. Russian Learned Elite to Search New Development Purport. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, vol 6, no. 5, pp. 529–535.
11. Politics.pravda.ru/authority/kremlin/08-02-2008/255159-zadacha-0/ (Accessed: 17.02.2016).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ "ЕВРОИСЛАМА" КАК СПОСОБА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ ТАТАРСТАНА.

Мирзаханов Джабраил Гасанович, кандидат философских наук, доцент
Дагестанский государственный технический университет
Российская Федерация, Республика Дагестан, 367015, г. Махачкала,
пр. И. Шамиля, 70
E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru:

Исследовано политическое значение феномена «евроислам». Выявлено, что евроисламская идентичность это идеологически сконструированное и политически мотивированное явление. Доказано, что «евроислам» представлял собой самобытную идею и технологию самоопределения политической элиты Татарстана в атмосфере постсоветской трансформации. Реформаторские версии «атарстанского» ислама используются политическими лидерами республики для получения текущих выгод.

Ключевые слова: евроислам, политический вызов, исламские реформаторы, политическое проектирование

POLITICAL SIGNIFICANCE OF "EUROISLAM" IDEA AS A WAY OF SELF-DETERMINATION OF THE RULING ELITE OF TATARSTAN

Mirzakhanov Dzhabrail G., Ph.D. (Philosophy). Associate Professor
Dagestan State Technical University
70 I. Shamil Ave., Makhachkala, 367015, The Republic of Dagestan, Russian Federation
E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

This paper studies euroislamic identity as an ideologically constructed and political motivated phenomenon. Concept "euroislam" served as shorthand label for the interpretation of the "Tatarstan

model” at the early beginning Tatar's separatism movement. Euroislamic identity supports local Tatar reformism because it feeds the regional energy of self-affirmation. Political and ideological synthesis of a “euroislam” is an important strategic policy tool for the realization of the “Tatarstan Model”.

Keywords: euroislam, political challenge, islamic reformers, political project-making

Выдвижение политико-идеологического концепта «евроислама» постсоветской элитой Татарстана и последовавшие за этим дискуссии позволяют лучше понять суть и своеобразие «татарского ислама», а также специфику исламо-политических отношений в республике. Эволюцию «евроислама» в татарстанском политическом обиходе можно разделить на два этапа. Первый этап: 1992–1996 гг., когда «евроислам» был заявлен как один из символов республиканского суверенитета и важной частью стратегии «Модель Татарстана-новая парадигма». На этом этапе политический, интеллектуальный и религиозный сегменты татарской элиты были консолидированы в атмосфере конфликта с федеральным центром и не выражали явных сомнений в отношении корректности евроисламской идеи. Второй этап был связан с нормализацией отношений между Москвой и Казанью, деактуализацией идеи суверенитета и «Модели Татарстана», завершением эпохи Ельцина и началом экономического подъёма в России в 2000-е гг. На этом этапе имела место мощная интеллектуально-богословская дискуссия внутри республики, участники которой поставили под сомнение уместность и корректность идей «евроислама».

Понятие «евроислам» появилось в политическом лексиконе республики в первой половине 1990-х гг. в период провозглашения национального суверенитета республики и обострения национально-государственных отношений по линии Москва-Казань. Своим появлением данный термин обязан одному из лидеров татарского национального движения начала 1990-х гг., советнику по политическим вопросам при президенте Татарстана, а позднее директору Института истории АН РТ Рафаэлю Хакимову. Необходимо сразу отметить, что «евроислам» первоначально отражал не религиозно-теологическую проблематику, а являлся политическим фактором бурно протекавших общественных процессов в республике. Центральный тезис в обосновании «евроислама» со стороны его создателей заключался в том, что татарский вариант ислама «органично соединил мусульманские ценности с идеями либерализма и демократии, а потому его можно назвать “евроисламом”» [11].

Нельзя согласиться с мнением российских авторов А. Крымина и Г. Энгельгардта о том, что особую роль «евроислам» начал играть в политике татарстанских властей в период с 2001 г. Главным образом как фактор, облегчающий интеграцию республики в западную культурно-экономическую среду в атмосфере нарастающей исламофобии после событий 11 сентября 2001 г. Авторы считают, что политическая элита Республики Татарстан стала использовать концепцию «евроислама» не только как инструмент наращивания внешних связей, но и символ, способный «обеспечить конструктивное сосуществование мусульман со светским обществом» [5]. Казанский исследователь Н. Мухарьямов также анализировал политическое значение «евроислама» в рамках культурно-богословских дискуссий и политических процессов, имевших место в республике в период после 11 сентября 2001 г. [8, с. 54–66].

Как уже отмечалось, идея «евроислама» в качестве проекта, направленного на символическую "европеизацию" Татарстана в обход и поверх России, активно продвигалась не в период стабилизации отношений по линии Москва – Казань в 1998–2001 гг., а раньше: в период эскалации этих взаимоотношений в 1992–1996 гг. Укажем лишь на основные этапы конфликтных отношений между федеральным центром и республиканским руководством: 20 августа 1990 г. – Декларация о государственном суверенитете Республики Татарстан; 21 марта 1992 г. – референдум о статусе Республики Татарстан; 30 ноября 1992 г. – принятие новой Конституции Татарстана, объявляющая республику суверенным государством. Уже тогда идею «евроислама» можно было рассматривать как политизированный пиар-проект, целью которого стала поддержка внешнеполитической субъектности и внутривнутриполитических амбиций политической элиты Татарстана.

Ульяновский политолог А. Магомедов оценил ранний «евроислам» как результат идеологического творчества политической элиты Татарстана в направлении формирования концепции республиканского суверенитета и республиканской идентичности в атмосфере вышеупомянутого политического конфликта с Москвой. Изобретение концепта «евроислам» как новой политической традиции стало возможно в рамках политического вызова татарстанской элиты федеральному центру по вопросу национально-государственного устройства России. На этапе наиболее конфликтных отношений с федеральным правительством (1992–1994 гг.) «евроислам» был призван подчеркнуть парадигму «татарстанской альтернативы» (в виде «Модели Татарстана») либерально-монетаристскому курсу Кремля [6]. Это были годы наибольшего политического риска для республики и её элиты за всю постсоветскую историю. Из Москвы в адрес Казани шли обвинения в сепаратизме, «исламском фундаментализме», а также в попытках превратить республику в «этнократический Бантустан» [19, с. 221]. О том, насколько алармистски и воинственно были настроены федеральные власти, свидетельствуют следующие эпизоды. Бывший вице-президент России Александр Руцкой выдвинул идею о том, чтобы включить в российский уголовный кодекс норму о том, чтобы «национал-карьеристов и сепаратистов» сажать в тюрьму на 10–15 лет, иначе «мы останемся с Дудаевыми и Шаймиевыми». Председатель Конституционного суда РФ Валерий Зорькин оценил референдум о государственном суверенитете Татарстана как событие, которое приведёт к межнациональным столкновениям и к «рекам крови» [6].

Приведённые факты позволяют говорить о том, в какой атмосфере происходил политический генезис и подъём «евроислама». Данные обстоятельства неизбежно вели к политизации данного концепта. Для республиканской политической элиты данный концепт выражал потребность в защите Татарстана от нескольких актуальных угроз того времени: 1) патологического имперского инстинкта Москвы в виде великодержавного жаргона и идей Жириновского и Солженицына [10, с. 6] 2) «шоковой терапии и в целом гайдаровских реформ, против которых была нацелена вся стратегия “модели Татарстана”»; 3) исламского фундаментализма и радикализма. [18]. Так что «евроислам» представлял собой самобытную идею и технологию самоопределения политической элиты Татарстана в условиях противостояния с Москвой.

Идейным и генетическим предшественником «евроислама» было объявлено реформаторское движение в татарском исламе на рубеже XIX–XX вв. – джадидизм. Во главе этого движения стояли известные татарские богословы и мыслители Габденасыр Курсави и Шигабуддин Марджани. Основной идеей данного реформаторства стало понятие «иджтихад» – интеллектуальное свободомыслие с упором на индивидуальную творческую интерпретацию мусульманских канонических положений Корана. Провозгласив интеллектуальную свободу и право личности, джадидизм, по мнению татарских идеологов, совершил настоящую революцию – соединил ислам с идеями либерализма [13, с. 28–35]. Из данной констатации следовал политический вывод о том, что исламское реформаторство сделало татарское общество восприимчивым к новым веяниям, что, в конечном счёте, сделало необратимой стремление татарской культуры к взаимодействию с нормами европейской цивилизации.

Как отметил А. Магомедов, «евроисламская идентичность служит хорошим подспорьем татарстанскому локальному реформаторству, ибо призвана питать региональную энергию самовозвышения» в первой половине 1990-х гг., в условиях неприятия Казанью проводимой федеральным правительством либеральной реформы. В качестве альтернативы Казанью была предложена татарстанская модель «мягкого вхождения в рынок». Данную альтернативу автор концепта «евроислам» Р. Хакимов обосновал следующим образом в статье с вызывающим названием «Россия и Татарстан у исторического перекрёстка»: «Почему следует российские реформы брать за эталон? Мне, например, они больше напоминают хаос. Разве не имеет право Татарстан идти своим путём к реформам, отвечающим интересам его населения? Или

в мире существует только один путь – предложенный Москвой?» [20, с. 38]. Такое политическое самоутверждение вызвало к жизни внутрирегиональную культурно-идеологическую реформацию для новой самоидентификации и новой ответственности.

Значимость «евроислама» особенно понятна в рамках республиканской стратегии «модель Татарстана – новая парадигма». Последняя провозглашалась как политика, предназначенная на альтернативную трансформацию (поверх и помимо либерал-монетаристского курса ельцинского правительства) с тем, чтобы стать частью мирового культурно-экономического пространства. Данная претензия была озвучена Р. Хакимовым следующим образом: «Можно быть отсталой провинцией в экономически передовой стране, но точно также можно быть процветающим регионом в экономически слабом государстве. Если даже в России в целом будет великолепная экономическая политика, она не гарантирует успех предприятиям Татарстана, потому что конкурентные преимущества создаются на региональном уровне» [6]. Как результат, среди всех субъектов РФ Татарстан проявил в 1990-е гг. наибольшую активность в развитии международного экономического сотрудничества, поскольку договор с федеральным правительством позволил республике заключать соглашения как с зарубежными странами, так и с регионами по вопросам экономической кооперации. Уже тогда республиканские власти создали полномочные представительства в различных субъектах РФ, странах СНГ, а также в Турции, США, Австралии, государствах ЕС.

В рамках данной сверхзадачи новоизобретённую идею «евроислама» можно рассматривать как важную составляющую внешнеэкономической стратегии по реализации «модели Татарстана». В этом контексте особого внимания заслуживает антифундаменталистский ракурс «евроислама». В качестве прагматичного и утилитарного инструмента он был заявлен как средство, призванное оградить имидж Татарстана от таких пугающих Запад признаков, как исламский радикализм. Об этом было громко заявлено президентом РТ Минтимером Шаймиевым во время встречи с Президентом Конгресса местных и региональных властей Европы А. Черноффым 11 мая 1996 г.: «Наш ориентир, безусловно – Западная Европа. Это для нас особенно важно, этим самым нас не затронет исламский фундаментализм. Нам в данном случае в стратегическом плане выгодно подальше держаться от фундаментализма» [9].

Руководствуясь именно указанными соображениями республиканским государственным учреждениям предписано уделить особое внимание к реформистскому исламу джадидистского толка. Как результат, правящая элита Татарстана не только берёт под контроль процессы развития как «традиционного», так и «реформированного» (джадидистского) направлений местного ислама с предотвращением перспективы их раскола, но и осуществляет огосударствление всей мусульманской уммы республики.

Зафиксировав данные факты и тенденции, перейдём ко второму этапу существования проекта «евроислам», который был в 2000-е гг. Это был период, когда сторонники идеи «евроислама» поставили задачу увеличить сферу применения данной идеи до уровня «российской исламской субцивилизации». Пиком эволюции евроисламской доктрины стала новая попытка её переосмысления в брошюре Р. Хакимова «Где наша Мекка?», названной «Манифестом евроислама». Появление данного труда инициировало бурную дискуссию не только в научных, но и в исламско-богословских кругах не только Татарстана, но и другой крупной мусульманской республики – Дагестана. Вызвано это было тем, что «манифест» претендовал на детальный пересмотр теологической доктрины ислама с позиций татарского реформаторского наследия. По-настоящему революционным можно считать вывод автора о том, что внешний обрядовый аспект религиозности (включая пять столпов ислама) не должен быть критерием подлинной мусульманской веры. «Для татар внешние зримые признаки мусульманина перестали быть ценностью. Ислам стал скорее частью культуры. Можно, конечно, тех, кто не держит пост, не молится пять раз в сутки, назвать безбожниками. Но сами-то они для себя вопрос решили иначе» [12, с. 25].

Российский политолог А. Малашенко оценил «евроислам» как «продуктивную реплику», способную оказать положительное воздействие на модернизацию ислама. [7]. В Дагестане в защиту «евроислама» выступил известный социолог, специалист по мусульманскому сознанию З. Абдулагатов [2, с. 146–151].

«Манифест евроислама» подвергся резкой критике со стороны лидеров татарского национального движения, интеллектуалов и мусульманских деятелей. Скептицизм по поводу того, что идеологи «евроислама» не в состоянии предъявить его [4, с. 16–17] соседствовал с выводами о том, что эта «идея носит искусственный характер» и существует только в «понимании руководящей элиты республики» [3, с. 204] и сочетался с обвинениями в том, что исламские реформаторы представляют собой такую же опасность, как и ваххабиты и прочите секты. [17, С. 17-25]. Примерно с аналогичных позиций критиковали «евроислам и официальные мусульманские деятели Дагестана, связавшие любое реформирование ислама с экстремизмом и ваххабизмом» [1, с. 62–63]. Это произошло после того, как «Манифест евроислама» был опубликован в издании «Дагестанцы» в конце 2003 – начале 2004 г.

Таким образом, для нас во всём этом документе важным является то, что идеологическое творчество местной элиты стало важной частью официального татарстанского дискурса о природе и особенностях развития ислама в республике. «Евроислам» это политическое явление, продукт политического проектирования светской политической элиты Татарстана. Он имел искусственную природу и целенаправленно отождествлялся с исламским реформаторством-джадидизмом. Эти разработки легли в основу той политической интерпретации модели «татарстанского» ислама, которую используют первые лица правящей элиты Татарстана для получения текущих выгод. Так, бывший президент республики Минтимер Шаймиев с удовольствием говорил о «светском исламе», который способен противостоять ваххабизму и прочим зловещим тенденциям в мире ислама, пугающим зарубежную и российскую публику. Для политического руководства Татарстана было важно выступить в качестве инициатора выработки такой формы «цивилизованного» ислама, который, на их взгляд, подходит для России. Именно реформированный татарстанский ислам, основанный на наследии джадидизма, и был предложен Шаймиевым Путину в виде образца для рассмотрения [8, с. 58].

Данные выводы подтверждает тот факт, что «евроислам» сошёл с политической сцены республики после того, как лишился поддержки со стороны лично М. Шаймиева и его команды, которые к концу 2000-х гг. потеряли интерес к этой концепции.

Список литературы

1. Абдулагатов З. Дагестан и Татарстан: две тенденции в государственно-конфессиональных отношениях, определяемых российским исламом // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 1 (37). С. 57–67.
2. Абдулагатов З. М. Проблемы и тенденции становления современных государственно-конфессиональных отношений в России. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. 211 с.
3. Ибрагим Т. К., Султанов Ф. М., Юзеев А. Н. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. Казань: Татарское книжное издательство, 2002. 238 с.
4. Тагиров И. Р., Юзеев А. Н. Ислам и проблема идентичности татар // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 16–17.
5. Крымин А. В., Энгельгардт Г. Н. Влияние 11 сентября на российский ислам. Режим доступа: <http://www.Niiss.ru/nb/News/Krym-engel.html> (Дата обращения: 12.02.2010).
6. Магомедов А. К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). Москва: МОНФ, 2000. 221 с. Режим доступа: http://bookz.ru/authors/arbakhan-magomedov/magomedov_arb01/page-6-magomedov_arb01.html (Дата обращения: 29.04.2009).
7. Малашенко А. Два несхожих ренессанса // Отечественные записки. 2003. № 5 (14). С. 56–65. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2003/5/dva-neshozhzh-renessansa/> (Дата обращения: 19.07.2006).

8. Мухарьямов Н. Ислам в Поволжье: политизация несостоявшаяся или отложенная? // Ислам от Каспия до Урала: макрорегиональный подход // под ред. К. Мацузато. Москва: РОССПЭН, 2007. С. 64–65.
9. Стенограмма встречи Президента РТ Шаймиева с Президентом Конгресса местных и региональных властей Европы А. Черноффым 11 мая 1996 г. // Протокольный отдел Администрации Президента РТ.
10. Хаким Р. Сумерки империи. К вопросу о нации и государстве. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. 51 с.
11. Хакимов Р. «Евроислам» в междивизиционных отношениях // НГ-Религии. 1998. 26 октября / Республика Татарстан, 1997–2011. Архив официального сервера 1997–2011 гг. Режим доступа: http://1997-2011.tatarstan.ru/?DNSID=01262e6af692883d86ccc36f2314bdba&node_id=429 (Дата обращения: 21.05.2003).
12. Хакимов Р. Где наша Мекка? (Манифест Евроислама). Казань: Магариф, 2003. 63 с.
13. Хакимов Р. Критическое мышление и обновление ислама // Казанский федералист. 2005. № 1 (13). С. 28–35. Режим доступа: <http://www.kazanfed.ru/authors/khakimov/publ7/> (Дата обращения: 08.10.2011).
14. Карабущенко П. Л. Война и мир русской геополитики // Международный журнал. 2012. № 5–3 (5). С. 114–116.
15. Карабущенко П. Л. Заговор элит (элиты по ту сторону политического зазеркалья) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2 (31). С. 253–262.
16. Воронцов С. А., Понеделков А. В., Усманов Р. Х. Роль и влияние административно-политических элит в процессе обеспечения национальной безопасности на Юге России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 2 (39). С. 234–243.
17. Якупов В. Мера Ислама (к проблеме адекватного конкретно-исторического понимания вечных шариатских истин). Казань: Иман, 2004. 69 с.
18. Ямалнеев И. М. Этнорегиональная идентичность как политический проект: На примере Республики Татарстан. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/etnoregionalnaya-identichnost-kak-politicheskii-proekt-na-primere-respubliki-tatarstan#ixzz3y0mzlW2T> (Дата обращения: 07.10.2011).
19. Moukhariyomov N. The Tatarstan Model: A Situational Dynamic/Beyond the Monolith: The Emergence of Regionalism in Post-Soviet Russia. Ed. by P. Stavarakis, J. DeBardeleben, L. Black. Washington: The Woodrow Wilson Center Press, 1997. 289 p.
20. Khakimov R. Russia and Tatarstan at a Crossroads of History // Anthropology and Archeology of Eurasia. 1998. Vol. 37, № 1. P. 30–71.

References

1. Abdulagatov Z. Dagestan i Tatarstan: dve tendentsii v gosudarstvenno-konfessionalnykh otnosheniyakh, opredelyaemykh rossiyskim islamom. *Tsentralnaya Aziya i Kavkaz*, 2005, no. 1 (37), pp. 57–67.
2. Abdulagatov Z. M. *Problemy i tendentsii stanovleniya sovremennykh gosudarstvenno-konfessionalnykh otnosheniy v Rossii*. Makhachkala, IAE DNTs RAN, 2006, 211 p.
3. Ibragim T. K., Sultanov F. M., Yuzeev A. N. *Tatarskaya religiozno-filosofskaya mysl v obshchemusul'manskom kontekste*. Kazan, Tatar Book Publishing House, 2002, 238 p.
4. Tagirov I. R., Yuzeev A. N. Islam i problema identichnosti tatar. *Gasyrlal avazy. Ekho vekov*, 2002, no. 3/4, pp. 16–17.
5. Krymin A. V., Engelgardt G. N. *Vliyanie 11 sentyabrya na rossiyskiy islam*. Available at: <http://www.Niiss.ru/nb/News/Krym-engel.html> (Accessed: 12.02.2010).
6. Magomedov A. K. *Misteriya regionalizma. Regionalnye pravyashchie elity i regionalnye ideologii v sovremennoy Rossii: modeli politicheskogo vossozdaniya "snizu" (sravnitelnyy analiz na primere respublik i oblastey Povolzhya)*. Moscow, MONF Publ., 2000. 221 p. Available at: [/bookz.ru/authors/arbakhan-magomedov/magomedov_arb01/page-6-magomedov_arb01.html](http://bookz.ru/authors/arbakhan-magomedov/magomedov_arb01/page-6-magomedov_arb01.html) (Accessed: 29.04.2009).
7. Malashenko A. Dva neskhozhikh renessansa. *Otechestvennye zapiski*, 2003, no. 5 (14), pp. 56–65. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2003/5/dva-neshozhih-renessansa/> (Accessed: 19.07.2006).
8. Mukharyamov N. Islam v Povolzhe: politizatsiya nesostoyavshayasya ili otlozhennaya? *Islam ot Kaspiya do Urala: makroregionalnyy podkhod*. Ed. by K. Matsuzato. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, pp. 64–65.
9. *Stenogramma vstrechi Prezidenta RT Shaymieva s Prezidentom Kongressa mestnykh i regionalnykh vlastey Yevropy A. Chernoffym 11 maya 1996 g. Protokolnyy otdel Administratsii Prezidenta RT*.

10. Khakim R. *Sumerki imperii. K voprosu o natsii i gosudarstve*. Kazan, Tatar Book Publishing House, 1993, 51 p.
11. Khakimov R. “Yevroislam” v mezhtsivilizatsionnykh otnosheniyakh. *NG-Religii*, 1998, 26 oktyabrya / *Respublika Tatarstan, 1997–2011. Arkhiv ofitsialnogo servera 1997–2011 gg*. Available at: http://1997-2011.tatarstan.ru/?DNSID=01262e6af692883d86ccc36f2314bdba&node_id=429 (Accessed: 21.05.2003).
12. Khakimov R. *Gde nasha Mekka? (Manifest Yevroislama)*. Kazan, Magarif Publ., 2003, 63 p.
13. Khakimov R. Kriticheskoe myshlenie i obnovlenie islama. *Kazanskiy federalist*, 2005, no. 1 (13), pp. 28–35. Available at: <http://www.kazanfed.ru/authors/khakimov/publ7/> (Accessed: 08.10.2011).
14. Karabushchenko P. L. Voyna i mir russkoy geopolitiki. *Mezhdunarodnyy zhurnal*, 2012, no. 5–3 (5), pp. 114–116.
15. Karabushchenko P. L. Zagovor elit (elity po tu storonu politicheskogo zazerkal'ya). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*, 2012, no. 2 (31), pp. 253–262.
16. Vorontsov S. A., Ponedelkov A. V., Usmanov R. Kh. Rol i vliyanie administrativno-politicheskikh elit v protsesse obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti na Yuge Rossii. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*, 2014, no. 2 (39), pp. 234–243.
17. Yakupov V. *Mera Islama (k probleme adekvatnogo konkretno-istoricheskogo ponimaniya vechnykh shariatskikh istin)*. Kazan, Iman Publ., 2004, 69 p.
18. Yamalneeve I. M. *Etnoregionalnaya identichnost kak politicheskii proekt: Na primere Respubliki Tatarstan*. Available at: <http://www.dissertat.com/content/etnoregionalnaya-identichnost-kak-politicheskii-proekt-na-primere-respubliki-tatarstan#ixzz3y0mz1W2T> (Accessed: 07.10.2011).
19. Moukhariamov N. *The Tatarstan Model: A Situational Dynamic/Beyond the Monolith: The Emergence of Regionalism in Post-Soviet Russia*. Ed. by P. Stavrakis, J. DeBardeleben, L. Black. Washington, The Woodrow Wilson Center Press Publ., 1997, 289 p.
20. Khakimov R. Russia and Tatarstan at a Crossroads of History. *Anthropology and Archeology of Eurasia*, 1998, vol. 37, no. 1, pp. 30–71.